

РЕЦЕНЗИИ

РУССКО-ЛИТОВСКИЙ СЛОВАРЬ¹

Недавно вышел в свет самый большой русско-литовский словарь, в котором содержится около 75 000 слов (в I т. — около 35 000, во II т. — около 40 000 слов). В словарь включены многие недавно появившиеся слова и термины. Но в основном объем словаря увеличился, видимо, потому, что, кроме общеупотребительной литературной русской лексики, в нем помещено немало диалектных и устаревших слов. В словаре переводятся все или основные значения многозначных слов, помещается немало фразеологических сочетаний, часть слов снабжена пометами, указывающими стилистическую окраску и т.д. Это, конечно, далеко не все положительные стороны нового русско-литовского словаря (в дальнейшем — РЛС).

Однако в данном словаре, на наш взгляд, имеется целый ряд недочетов и неточностей. Сомнения вызывают и некоторые принципы составления словаря в целом.

От других русско-литовских словарей этот РЛС в первую очередь отли-

¹ Составители В. Баронас, В. Галинис. (При составлении словаря был использован печатный и рукописный материал, собранный И. Баронасом). I т. А—Й под редакцией проф. Б. А. Ларина, К—Н — И. Мацайтиса; II т. О—С — К. Мустейкиса, Т—Я — И. Мацайтиса; ответственный редактор И. Мацайтис. Вильнюс, изд-во „Минтис“, 1967.

чается передачей значений слов. Если в словарях, изданных раньше², значения слов передавались наиболее соответствующим по значению словом (или реже несколькими словами-синонимами) литовского языка, то в РЛС значения русских слов в основном передаются при помощи целого ряда синонимов литовского языка. А это едва ли можно считать правильным, потому что во многих случаях синонимы передают значения русских слов неточно, вносят такие оттенки в значения слов, которые им не свойственны. Наличие некоторых слов среди других синонимов часто вызывает недоумение, так как они в литовском языке употребляются довольно редко. С этой точки зрения словарь едва ли будет полезен, „крайне необходим и не литовцам, проявляющим интерес к литовскому языку и желающим научиться этому языку“ (стр. 3). Напр.: бездна³... 1. *bedugnė*, *praraja*, *kiauroji*, *artmuo*, *pragarmė*; ...2. *be-galė(s)*, *aibė*, *daugybė*, *daug*, *liolė*, *bažmas*; *versmė*...; зубоскал *šnek*. *akižara*, *(pa)šaipra*, *pašaipuolis*, *šaipuoklis*, *šaipūnas*; *atšvaipa*, *šipata*, *pojuokas*, *pajuokėjas*...; клочок... *sklypelis*, *galėlis*, *skiautėlė*, *skutas*, *kuokštėlis*, *čežena*, *drežena*, *atkraštys*, *gabaliukas*, *gnūžtelė*...; махать

² Ср. J. Baronas, *Rusų lietuvių žodynas*, К., 1932; X. Лемхенас. *Русско-литовский словарь*, 1948 и II изд. 1955 и др.

³ По техническим соображениям ударение не обозначается.

mosuoti, mojuoti; moti, vėduoti, švaityti, švytuoti, šmaikštuoti, mostaguoti (rankomis), mosikuoti, mataruoti; plasnoti (sparnais), vasnoti, plazdinti; draubinti (uodega), viksnoti, vizginti...; обвязать... 1. aprišti, apvynioti; aptvarstyti, apraišioti, apvyturiuoti, suraišioti, arpmuturiuoti, apsaistyti, aptvankyti; aplenkiti; apkalti... и мн. др.

Увлеchenie синонимами, думается, можно было бы оправдать в том случае, если бы все они использовались при переводе иллюстративного материала русского языка. Но в переводах употребляется чаще всего только одно или два-три слова, которые наиболее точно соответствуют по значению русским словам, а остальные так и остаются синонимами литовского языка. Это наблюдаем в переводе словосочетаний, помещенных при словах: бездна (морская б. jūrų bedugnė), клочок (к. земли žemės sklypelis; к. сена šieno gniužtelė; к. бумаги popieriaus skiautėlė; разорвать в клочки į skutus, skuteilus suplėšyti); ср. также: платье... 1. drabužis, drapana, rūbas, apdaras, dangovė; *кноп.* rūbai, drabužiai, drapanos; праздничное п. išėiginis drabužis; свадебное п. vestuvių rūbas; штатское п. civilinis drabužis, civiliniai drabužiai...; осмеяние... išjuokimas, apjuokimas, apjuoka, rajuoka, išjuoka; выставить на о. išstatyti rajuokai... и др. Кроме того, имеются случаи, когда ни одно слово из приведенных синонимов в переводе не употребляется, ср.: махать (синонимы приводились раньше) — ветер машет огонь vėjas *slaučia* ugnį; набухнуть (в гнезде „набухать“)... išpursti, išpampiti, išbrinkti, pritivinkti, pritešti (apie tešmenį), išpurpti, išburkti, išpusti; набухли глаза užbrinko akys; перебежать (в гнезде „перебер“)... perbėginėti, perbėgioti, bėginėti, bėgti; дорога перебежала через новые мосты kelias *ėjo* per naujus tiltus; зубастый... 2. *prk.* aštraliežuvis, liežuvingas; э. человек *pakramta*.

Неуместным, на наш взгляд, является наличие диалектных слов литовс-

кого языка во многих синонимических гнездах, так как русское слово соответствующей окраски не имеет. Напр.: берлога... lokio, meškos guolis; landa, ola, urvas, *irštva, širtas, migis*...; ключ... versmė, šaltinis, *viruly, burguly, verdėnė*...; поглядывать... žiūrinėti, *dvyroti, žvilgčioti*; mesti akį, *pasaugoti*; прекрасный (в гнезде „прекрасное“)... labai gražus, *grakštus, bingtas, puikus*; новь... plėšinys, *naujiena, plėšimas* (ср. также уже приведенные нами слова). То же самое можно сказать и о словах разговорного характера, которые довольно часто используются для передачи значений русских слов без этой окраски (ср. уже приведенные слова). Если уж необходимо поместить стилистически окрашенные слова литовского языка, то они, думается, должны сопровождаться соответствующей пометой.

Как уже отмечалось, некоторые слова-синонимы в РЛС передают значения русских слов неточно. Нередко слова с более отдаленными значениями в синонимическом ряду расположены на первом месте, ср.: беловолосый... žilaplaukis, baltaplaukis; отчество... tėvo vardas, tėvavardis; приплясывать... šokti, pa(s)šokinėti и др. Некоторые же слова-синонимы имеют другое значение по сравнению с русским словом. Напр.: значение слова беловатый „имеющий белый оттенок, приближающийся цветом к белому“⁴ передается синонимами balkšvas, balzganas, arybaltis, balsvas, blaivas, balnas (jautis, karvė), но два последних из них очень далеки по значению (blaivas — „balsvas, mėlynas, žydras“; balnas — „su balta pigara“)⁵. Значение слова перебер „действие по 1-му знач. глагола перебежать“, т. е. бегом перемещаться из одного мес-

⁴ Ср. *Словарь современного русского литературного языка*, т. I, АН СССР М.-Л., 1948 (в дальнейшем ССРЛЯ).

⁵ *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*, V., 1954 (в дальнейшем DLKŽ).

та на другое (ССРЛЯ), передается словами *perbėgimas*; *robėgis*, но последнее имеет совершенно другое значение (*robėgis*, *bėgimas*: ~iu tie arkliai nėra geri“ DLKŽ). Или уже приведенное слово берлога со значением „зимнее логовище медведя“ (ССРЛЯ); следовательно, слова *landa*, *ola*, *urvas* тоже передают это значение не совсем точно. То же самое можно сказать о передаче значений слов *зубастый*, *махры*, *нагреть*, *перебежка*, *подложить* и мн. др.

Все это показывает, что чрезмерное увлечение синонимами во многих случаях не способствовало „более точной и полной передаче значений русских слов“, как об этом сказано в предисловии к РЛС (стр. 4). Кроме того, иногда в РЛС передаются не все значения некоторых слов из активного словарного запаса; или они не дифференцируются. Напр.: *короткий*... (в гнезде „коротенький“) 1. *trumpas*, *striukas*, *strugas*, *isas*, *bigas*, *gružas* (*pvz. plaukas*); *neilgai trunkantis*;... 2. *prk.* *artimas*, *draugiškas*, *intymus*, *familiarus*, *bičiuliškas*;... 3. *žemas*, *neaukštas*;... В данном случае 1-ое и 3-ье значения можно объединить в одно: „небольшой по длине“ (ср.: *короткие брюки* – в 1-ом знач. и *короткая трава* – в 3-ем знач.); отдельно нужно выделить значение „непродолжительный по времени“ (ср.: *короткое свидание*, что относится к 1-ому знач.), как это делается в других толковых словарях русского языка. Значения „отрывистый, мгновенный“ (ср.: к. кашель) и „быстрый, суровый“ (ср.: к. справа) можно и не выделять, так как данное слово в этих значениях употребляется реже. То же самое наблюдается при передаче значений слов *лапчатый*, *машина*, *узкий* и др. И наоборот, значения некоторых устаревших слов в РЛС выделяются очень детально, несмотря на то, что в этих значениях слова употребляются очень редко, ср.: *баласы*, *кляшка*, *лепта*, *просак* и др. Кроме

того, в РЛС некоторые слова обладают такими значениями, которые не отмечаются в других толковых словарях русского языка, напр.: *перебежки*... *dgs.* (в гнезде „перебер“) *miestai* (*toks žaidimas*). Данное слово встречается только в словаре В. Даля со значением „игра горелки“ с пометой *zap.* (т. III). Следовательно, значение этого диалектного слова нельзя передать словом *miestai* (это соответствовало бы слову *городки*). Или слово *забейной*...: *забейная площадка laiptų aikštelė*. Оно встречается только в словаре под ред. Д. Ушакова с пометой *архит.* (т. I). Так как в РЛС эта помета отсутствует, а словом *laiptų* передается и значение слова *лестничный*, создается впечатление, что это вообще „лестничная площадка“.

С другой стороны, значения некоторых слов в РЛС, на наш взгляд, нуждаются в уточнении. Например, краткие формы от прилагательных, обозначающих размер, объем чего-нибудь, имеют дополнительный оттенок значения, который не свойствен полным формам. Этот оттенок отмечается словарями, ср.: *короток* „меньший по длине, чем требуется“, т.е. *per trumpas*; *узок* „меньший по ширине, чем требуется“, т.е. *per siauras* и т.д. Но этот оттенок чрезмерности проявления какого-то качества отсутствует в РЛС. Значения же некоторых слов следовало бы проиллюстрировать примерами (словосочетаниями), чтобы было ясно, о ком-чем идет речь, так как эти слова сочетаются с довольно узким кругом слов. Напр.: в гнезде *сутул//ить*... *kūprinti*, *kumpinti*; ~иться... *kumpintis*, *kūprintis*; ~ость... *raukumpimas*; ~ый... *gungtelėjęs*, *susikūprinęs*, *kumpas*, *sugumbęs* нет ни одного примера, а некоторые синонимы литовского языка, которыми передаются значения этих слов, могут сочетаться не только со словами с общим значением „человек“ или части тела, но и с другими (ср.: *kumpas*, *raukumpės*,

prakumpimas). Или слово *лучшее* (в гнезде лучш//ая) *dkl. germė, gerėmenos, gergeris (gergeris?), gerumynai*, — так как это прилагательное в функции существительного употребляется редко и в определенном контексте (реже, чем *лучший*), то примеры необходимы.

Все эти уточнения и примеры не увеличили бы объема словаря. Думается, что это можно было бы сделать за счет сокращения синонимических рядов литовского языка.

Подача фразеологических сочетаний в русской лексикографии до сих пор решается по-разному: некоторые более устойчивые словосочетания в одних словарях рассматриваются как фразеологизмы, в других — как слова в переносном значении. В данном РЛС в какой-то степени наблюдается смешение фразеологических сочетаний со свободными вообще.

Как указано во вступительной статье, „фразеологию составляют *свободные* словосочетания, а также идиоматические обороты (последние даются в конце словарной статьи за ромбом)“ (стр. 8; выд. нами. — Э. Г.). Такое же понимание фразеологии находим и на следующей странице, где речь идет о глагольном управлении (ср. стр. 9, а также стр. 7). Но приведенные словосочетания, например, к глаголам *благодарить* (благодарю вас), *владеть* (в. колониями), *соболезновать* (с. кому-либо в беде) и др., конечно, являются свободными и фразеологическими назвать их нельзя. Видимо, по той же причине к фразеологическим, идиоматическим (под ромбом) относятся некоторые свободные словосочетания, напр.: *плыть по воде, плыть против воды* (вместо: *плыть по течению, плыть против течения*), *беда мне с ним, людей там — беда, провались!* и др. С другой стороны, некоторые фразеологические словосочетания в РЛС используются в качестве иллюстративного материала какого-ни-

будь значения слова, т.е. рассматриваются как свободные. Это *иметь в виду, иметь место, камень на сердце лежит* и др. едва ли правильно помещать послловицы как фразеологические сочетания под ромбом, так как отнесенность их к тому или другому слову трудно определить. Например, почему *два медведя в одной берлоге не уживутся* относится к слову *берлога*, а *и близок локоть, да не укусишь* — к слову *близкий*? Некоторые послловицы в РЛС используются в качестве иллюстративного материала, и это, на наш взгляд, более правильное решение данного вопроса, ср.: *капля... 1. lašas...; капля по капле и камень долбит*.

Значения фразеологических сочетаний, как и отдельных слов, в РЛС часто передаются путем целого ряда синонимических выражений литовского языка. Поэтому нередко на первом месте помещается несвободное словосочетание с более отдаленным значением (или режé употребляемое), ср.: *лиха беда начало — pradžia galy lauzi; kiekviena pradžia sunki; дождь лет как из ведра — lyja kaip iš karties; пила как из маішо, iš kibiro; хоть пруд пруди — gyva versmė; devynios galybės; nors vežimu vežk*. Несвободное словосочетание *камень преткновения* (при слове *камень*) переводится как бы по-словно „*pažaidos akmuo*“ (?); в другом же месте (при слове *преткновение*) значение словосочетания передается правильнее — „*kliūtis, neįveikiamas kliuvinys, pažaidos akmuo*“.

Некоторые неточности наблюдаются и в грамматической характеристике слов. В предисловии к РЛС правильно указывается, что если имена существительные употребляются чаще во множественном числе, то они даются „по форме именительного падежа множественного числа, а форма единственного числа в таких случаях дается жирным шрифтом в скобках, напр. „*наушники*, -ов *dgs.* (*vns.*

— наушник, -а)“ (стр. 8). Но в словаре, к сожалению, даже это слово помещается только в форме мн. ч. Отклонений от этого принципа в РЛС довольно много. Например, слова: *калоша*, *гунн*, *ладошка* помещаются в форме ед. ч., хотя чаще всего они употребляются во мн. ч.; *ладоши* — в форме мн. ч., а *будни* с пометой *žr. будень* (ср.: *будень*, -дня; *džn. dgs. будни*, -ей), хотя оно употребляется чаще во мн. ч., и др. Последовательное указание на то, в форме какого числа употребляются эти и другие существительные, безусловно, способствовало бы более точному и правильному употреблению слов в речи литовцами.

Кроме того, в русском языке имеется немало слов, которые употребляются в форме мн. ч. только в определенных значениях. К сожалению, эти случаи в РЛС не отмечаются. Например, слова: *капля* в значении „жидкое лекарство, принимаемое по счету таких частей“, *петух* в значении „пение петуха поздней ночью или ранним утром как признак определенного времени суток“, *услуга* в значении „хозяйственные удобства, предоставляемые кому-нибудь“ и др. употребляются только в форме мн. числа.

Неоправданной, на наш взгляд, является подача некоторых прилагательных, выступающих в роли существительного, в форме женского рода, ср.: *подопечн/ая... dkt. globotinė; ~ый... 1. globojamas;... 2. ~ого dkt. globotinis*. Следовательно, это слово в форме женского рода рассматривается как существительное, в форме же мужского рода — как второе значение прилагательного. Или слово *лучш/ая, -ей dkt. žr. лучший (2 reikš.)*. *Лучший* находится в том же гнезде, а, прочитав второе значение этого слова с пометой „-е, -его dkt.“, мы убеждаемся, что в форме женского рода оно и не употребляется. Это, видимо, просто уступка алфавитному расположению слов в словаре.

Глагольное управление падежами существительного — один из самых трудных вопросов для нерусских. И поэтому едва ли можно согласиться с мнением составителей РЛС, что если „управление падежами определяется фразеологией“, то „оно отдельно не указывается“ (стр. 9). Но вряд ли все пользующиеся РЛС сравнивают иллюстративные словосочетания или предложения русского языка с их переводами на литовский язык. По этой причине глагольное управление может быть незамеченным (ср.: *дорожить... branginti, vertinti, gerbti*; он не дорожит своей жизнью *jis nebrangina, nevertina savo gyvybės...; или тосковать... 1. Ilgėtis; т. по дому ilgėtis namų...), а в результате этого — неправильное образование словосочетаний с этими же глаголами. Кроме того, в РЛС немало глаголов, управление падежами которых не совпадает с управлением литовского глагола, но и примеры, и указание на падеж отсутствуют, ср.: *заведовать, клаясь* (в чем), *командовать, радоваться, сомневаться, убеждать* и др. Думается, что глагольное управление должно быть указано обязательно в двуязычных словарях.*

Сомнения вызывает и подача слов в РЛС. Русские слова расположены в алфавитном порядке, а некоторые, как указывают составители словаря, „по соображениям экономии места родственные слова, если это допускает алфавитный порядок (выд. нами. — Э. Г.), объединяются в гнезда“ (стр. 7). Поэтому гнезда родственных слов в РЛС, составленные по принципу алфавитного порядка, являются самыми разнообразными и, конечно, неубедительными. Напр.: *трудн/о...; ~ость...; ~ый...; чутк/ни...; ~ость... (а чутко отсутствует); блек/лость...; ~лый...; ~нуть...; вбрасыва/ние...; ~ть...; ~ться; корот/енький...; ~ить...; ~кий... (а коротко — помещены отдельно) и др.*

Во всех этих случаях нарушается последовательность в образовании слов: все эти и другие такого же типа гнезда начинаются с производного слова. В других случаях сталкиваемся с неправильным и довольно странным делением слова на морфемы. Правда, вместо этого термина в предисловии к РЛС употребляется «неизменяемая часть заглавного слова» (стр. 7). Напр.: *раск//усить...*; *~усывать...*; *наб//ухать...*; *~ухлость...*; *~ухнуть...*; *пос//елковый...*; *~елок...*; *семин//есный...*; *~етровый...*, *~ельный...* и др. Такое искусственное деление слов и объединение их в гнезда тем более является непонятным и неоправданным, что многие слова, которые, на наш взгляд, могли бы войти в одно гнездо, в РЛС помещаются отдельно, ср.: *ветер* и *ветерок*; *гусак*, *гусек*, *гусыня*, *гус//енок...*; *~иный*, *гусь*, *гусыня* (*жр.* гусенок), *гусытина* и *гусычий...*; *осенний*, *осень* и *осеню*; *льстец*, *льсти//вость...*; *~ый*, *льстить* и *льститься*; *пьяный*, *пьян//енький...*; *~ёхонек*, *пьянеть*, *пьяника*, *пьянить*, *пьянца*, *пьянство...*; *~вать*, *пьянчуга* и *пьяный* и мн. др.

Большой разницей наблюдается и при объединении в гнезда сложных слов, имеющих первый общий компонент. Например, слова с первой частью *русосоставляют* гнездо: *русо//бородый...*; *~волосый*; *~кудрый...*, а все слова с бело- приводятся отдельно (ср.: *белобокый*, *белобородый*, *белобрысый* и др.); *семипольный*, *семисотый* подаются отдельно, *пяти//сотый...*; *~стенный...*; *~сторонный...*; *~сторонний* составляют гнездо и т.п.

Следовательно, объединение слов в такого типа гнезда (или подача их отдельно) в РЛС не имеет никакого лингвистического обоснования, — учитывается лишь алфавитный порядок слов. Кроме того, это очень затрудняет нахождение того или другого слова в словаре. Особенно такие затруднения возникают в тех слу-

чаях, когда имеется помета *жр.*, а слово это находится где-то внутри какого-то гнезда слов, напр.: *прилечу жр.* *прилететь*, которое имеется в гнезде *прилет//ать*; *постанавливать...* *жр.* *постановлять*, а этот глагол находится в гнезде *постановл//ение* и др. Иногда же слово с пометой *жр.* является заглавным словом в гнезде; следовательно, оно находится и в том же гнезде, ср.: *раскорячи//вать...* *жр.* *раскорячить*; *~ваться...* *жр.* *раскорячить*; *~ть...*; *~ться...*; или *лучш//ая...* *жр.* *лучший* (2 *reik.*); *~е...*; *~е...*; *~ий...* и др.

Нам кажется, что при втором издании РЛС следовало бы отказаться от такого гнездового способа подачи слов. Небольшие гнезда слов, которые связаны семантически и их объединение не противоречит последовательности в словообразовании, может быть, целесообразно оставить (как это обычно делается в некоторых толковых словарях русского языка), напр.: *распростран//ить*, *~ение*, *~енный*, *~енность* и др. Но обязательно, на наш взгляд, отдельно, в качестве заглавных слов, должны помещаться глаголы, которые отличаются лексическим значением и не составляют видовых пар, напр.: *поговорить* и *поговаривать* (в РЛС они находятся в одном гнезде: *погов//аривать...*; *~орить...*).

„Экономить место“ в словаре, думается, можно в первую очередь путем сокращения большого числа синонимов при передаче значений русских слов. Кроме того, в качестве заглавных слов с пометой *жр.* довольно часто приводятся формы настоящего, будущего или прошедшего времени глаголов, когда при образовании этих форм наблюдается чередование в корнях, ср.: *греху жр.* *грешить*, *прилечу жр.* *прилететь*, *вел.* *вела жр.* *вести*, *велась жр.* *вестись* (стр. 85), *велю жр.* *вести*, *велось жр.* *вестись*, *велся жр.* *вестись* (стр. 86), так как помещаются они в алфавитном порядке, и др. От

некоторых же глаголов такие формы в РЛС отдельно не даются, ср.: *раскусить* (раскушу), *окошить* (окошу), *грести* (гребу, греб, гребла) и др. Так как эти формы в РЛС помещаются непоследовательно, напрашивается мысль, — не следует ли в целях экономии места вообще отказаться от них, тем более, что эти формы даются при глаголах в инфинитиве.

Кроме того, сомнение вызывает наличие в РЛС большого количества устаревших и диалектных слов. Вопрос, — какие из них должны войти в состав двуязычного словаря, — очень трудный и требует, видимо, специального исследования. Аргументация составителей РЛС, что „эти слова нередко встречаются даже в новейшей литературе“ (стр. 3), не является убедительной. Спрашивается тогда, почему наряду с такими словами, как *векша*, *годить*, *гуняветь*, *допрежь*, *кавшун*, *одесную*, *посолонь* и др., отсутствует *паки* и *паки*, которое очень часто встречается в трудах В. И. Ленина?

В данном случае речь идет не о полном игнорировании устаревших и диалектных слов в словаре, а о необходимости выработки более строгих принципов для отбора таких слов. Думается, что в двуязычный словарь нецелесообразно включать те устаревшие и диалектные слова, которые отсутствуют хотя бы в 4-томном

академическом словаре русского языка⁶, напр.: *брякушка*, *выкаты*, *выкнуты*, *влиза*, *прекословник*, *просак* и др. С другой стороны, в РЛС не находим таких слов, как *аканье*, *дояр*, *приводниться*, *сочетаемость* и нек. др., которые, на наш взгляд, целесообразнее помещать в словаре.

С другой стороны, следует обратить внимание и на то, какие иноязычные слова нужно включать в двуязычный словарь. Так как имеются словари иностранных слов и в двуязычных словарях значения этих слов не объясняются, то помещение таких слов, как: *гладиатор*, *дезертир*, *машинист*, *ротатор*, *формализм*, *электрон* и т.д. в РЛС нам кажется обязательным. Другое дело слова: *гипноз* (*hipnozė*), *силлогизм* (*silogizmas*), *экстаз* (*ekstazė*), которые отличаются от тех же слов в литовском языке написанием, грамматическим родом или значением.

Таким образом, все эти и другие недочеты показывают, что принципы передачи значений слов, подачи слов в словаре, а также принципы отбора слов при составлении РЛС могли бы быть более продуманными и строгими.

Э. Галнайтите

⁶ Словарь русского языка, I—IV, АН СССР, М., 1957—1961.

ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА¹

Первый том „Истории белорусского литературного языка“ Аркадия Иосифовича Журавского обнимает период от XIV—XV веков до конца XVII века — период существования старобелорусского письменного литературного языка.

¹ А. Жураўскі. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы, т. I. Выдавецтва „Навука і тэхніка“, Мінск, 1967.

После вводных замечаний автора следуют главы: 1. Древнерусский литературный язык как исходный этап в истории белорусского литературного языка. 2. Язык белорусской письменности раннего периода. 3. Состояние белорусского литературного языка второй половины XVI — первой половины XVII века. 4. Упадок старобелорусского литературного языка.